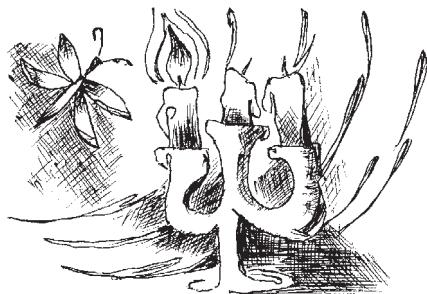

Предисловие

Приближается ветер снов. Свет жизни сменяется ее тьмой. Остается только гадать: надолго ли? Лепесток за лепестком... А чудеса происходят в любую погоду!

I. Приближается
ветер снов

Содержание цикла:

Ольга Челюканова	9
Николай Рудницкий	32
Игорь Литвиненко	54
Елена Карелина	80
Тигра Тангеро	103
Виктор Португалов	127

Ольга Челюканова

г. Москва

Родилась в Приморском крае, в семье военнослужащего. Долгое время жила в Латвии. Окончила дневное отделение Литературного института им. А. М. Горького, семинар поэзии. В 1998 году принята в Союз писателей России (МГО). Член Клуба писателей ЦДЛ. Пишет стихи и прозу. Переводила с латышского, болгарского, украинского. Публикуется с 1979 года. Автор нескольких книг. Среди них «Стихи о России» (2003), «Электронная скрипка» (2013). Стихи публиковались в газетах, журналах, альманахах и коллективных сборниках.

Из интервью с автором:

*— Ничего не декларирую.
Декларации связывают.*

Свидетели

Темная кухня. Время — около трех часов ночи. За столом — две давние, еще со школы, подруги. 1-я сидит так, что не может видеть участка неба, доступного 2-й. На столе чай, бутылка сухого. Долгий, медленный и не очень веселый разговор. За большим черным окном звезды и звезды. Повисает пауза. Длится.

1-я: Да, это все, конечно, хорошо, но поздновато уже, а тебе ведь идти еще. Не боишься?..

2-я: ?..

1-я: Сейчас давай еще вскипячу и заварю.

2-я: Ага.

1-я *возится с чайником.*

2-я: Всегда так.

1-я: Ты о чем?

2-я: Да я говорю: всегда так кончается.

1-я: Как?

2-я: Ожиданно. Никаких всплесков. Разбредились, и все.

1-я: А чего ж ты хочешь? Се ля ви. Шлафен унд арбейтен.

2-я: Да это-то как раз понятно... И все так кончится?

1-я: Ну что ты, не понимаю, о чем опять?

2-я: Ну в с ё , ВСЁ и В С Ё.

1-я: Эж, куда понесло... Вот чай. Может, покрепче?

2-я: Ага.

Флегматично размешивает. Изрядная пауза. Отрешенно смотрит в окно, в темноту осенней ночи. Вдруг, с изменившимся, побелевшим лицом:

2-я: Постой-постой... Тише, что там...

1-я: Не пугай. Ты что?

2-я: Тише, тише, дай-ка гляну как следует...

Вплотную приближает лицо к стеклу, охватив его ладонями.

2-я: Нет ли у тебя биноклика?.. Чего-нибудь?..

1-я: Счас. Трубу подзорную притараню.

Отходит от стола с чашкой в руках, садится у стены на корточки, как сидят геологи. Переносит происходящее уже с некоторой долей стоицизма.

2-я: Боюсь, исчезнет. Можно, я створку открою? Стекло отсвечивает. Не видно.

1-я: Ну давай-давай... Продолжай.

2-я открывает окно.

2-я: Всё. Точно. Теперь точно. Глянь! Глянь! Ну!..

1-я: ?..

2-я: Фу, даже холода не чувствую... Вижу. Невероятно; думала, врут про это... Пошло. Сияет.

1-я: Что?

2-я: Зеленая. Зеленая такая, но не звезда. Сияет.

1-я: ?..

2-я: Иди! Понимаешь, она движется, описывает правильные сложные фигуры. Сначала — восьмерку, лежащую на боку, — знак бесконечности. Трижды!..

1-я: Тише, разбудишь моих.

2-я: Квадрат... Пожалуйста, подойди к окну.

1-я: Холодно что-то. Пойду наброшу что-нибудь.

Возвращается из коридора в платке по брови и в старом пальто внакидку. Так же садится у стены.

2-я: Она совсем по-другому светится. Не как звезды. И этот цвет, почти бутылочный...

1-я: Бутылочный. (Как эхо, с намеком.)

2-я: Да нет, что мы там выпили-то? Полбутылки сухого. Да когда это было-то? Пойми: я вижу, вижу... И знаю: больше никто. Время сейчас к четырем. Нигде в городе ни огня. Мне страшно видеть это одной. Прошу. Подойди.

1-я: Послушай. Сначала я тебе не верила и не хотела подойти. Теперь верю... И не могу.

2-я: Прости уж меня, что говорю с тобой, а смотрю лишь туда. Я впервые встречаю такое. Совершенно необычное состояние. Это гипнотизирует. В душе одновременно и радость, и страх, и чувство чуждого, ужас приближения... ну, то есть если оно вдруг сейчас начнет двигаться к нам... Во-от... Чертит большой ромб... Ты знаешь, мне даже как-то весело, что ли; как говорится, «хочется рапортовать»...

1-я: Я тебе завидую.

2-я: Подойди...

1-я: Теперь поверь мне ты.

2-я: Не оставляй меня один на один с чудом.

1-я: Это тебе. Тебе показано.

2-я: Не заставляй меня всю жизнь сомневаться — «было-не было-было». Ведь есть! Будь, ради Бога, моим свидетелем!

1-я: Не могу. Пойду наброшу еще что-нибудь. Холод просто космический. Смотри и ты не простудись...

Возвращается уже в двух пальто внакидку и все так же, по-геологически, садится у стены.

1-я: Ты не обращай на меня внимания и, главное, поверь: я не могу.

2-я: Э-э... Я уже готова просить тебя на коленях об этом. Смешно. Я бы на твоём месте не выдержала.

1-я: Вот я тебе верю, а ты мне...

2-я: Ведь оно может исчезнуть в любой миг, и ты будешь всю жизнь жалеть.

1-я: Может быть. Даже наверняка.

2-я: Круг... Огромный... Теперь... опять... три горизонтальные восьмерки... Уходит... Пропадает... Всё!

На какое-то время обе застывают неподвижно. Молчание. Затем, одновременно очнувшись, 1-я уходит в коридор и вешает обратно свои пальто, 2-я медленно закрывает окно.

2-я. Ну вот и все. Я уже начинаю сомневаться, а вот здесь (*указывает на лоб*) — одно: «Было, было, это правда...»

1-я: Значит, они существуют? Голова раскалывается. Давай еще чаю напоследок, что ли...

2-я. Чего уж там... Давай!

Фуршет

Есть в Москве удивительнейшее здание с не менее невероятным содержанием.

Его окружает какая-то особенная пустынность с густыми мазками черно-синих елей: там даже мелкое нервическое дрожание тонкой графичной былинки, ее последнее надснежное содрогание, ее смиренная, слабая апелляция к небу — там, там чуткое, слегка надорванное сердце, всегда услышит: «Осанна, осанна в вышних, слава Творцу!..»

Почти пустырь. Почти поле. Пространство, а на нем то, что многие сравнивают с Бастилией. Их, наверное, привлекает и легкость рифмы «Бастилия-рептилия». Но я назвала бы сию краснокирпичную громаду скорее замком, последним редутом, укрепленным бастионом. Бастионом бестий. Бестия — животное. Значение это частенько забывается, и все целиком, всей неумолимой многозначной тяжестью, оно необратимо падает на нас, соотносится с нами. Мы кипим в бестиарии. Мы не подобны даже себе...

Снаружи это здание прекрасно и таинственно, и, как всегда, я годами откладывала просто прийти и купить билет, смело и упруго войти. И вот я здесь — зима, сырость, плавный намек на весну, какие-то праздничность и обещание «разлиты», как писали раньше,

в воздухе. А дверь закрыта. И оригинальные решетки в виде голов птеранодонов только бессмысленно растрavляют желание проникнуть внутрь.

Выясняется, что опоздали на час — целый час будет музей выпускать из себя посетителей и никого уже не впустил. Тут я заметила еще несколько мнующихся подле краснокаменного гиганта, томящихся фигур: их было немного — первым делом в глаза бросался парень, одетый с головы и обратно в черную кожу, но не как «металлист», а как «ковбой» — шляпа с большими загнутыми с боков полями завершала сооружение. При нем находились три девицы и еще один парень. Им тоже очень сильно хотелось попасть внутрь. Они стояли в отдалении и ковыряли носками своих стильных и не очень башмаков по-весеннему подтаявший, но зимний, зимний снег. И еще пришли две женщины с детьми, и оказалось, из нашего района. Стоим. Переговариваемся, и я подумала: а ведь как отлично попасть бы туда — без посетителей! Маленькой командой ревнителей.

Я делала через стекло суматошно-сумасшедшие знаки двум пожилым людям, сидящим на входе и, очевидно, заметившим нас.

Нам было сообщено сакраментальное: «Ждите, когда уйдут все...».

Прошел час, и довольно холодный час, но за это время наши дети — вот я уже говорю «наши» — сколотили из себя нечто вроде средней группки детсада, за это время мы несколько раз обошли вокруг четырех башен ждущего нас великолепия, да и побывали вроде как в центре экспозиции — квадратном внутреннем дворе, где стояли фигуры древних жителей-гигантов, которых почему-то так любят современные дети (и не только японские). Да и мне ненароком привиделось, что и замерли-то они только оттого, что дворик засыпан снегами, нашими, так и сяк воспетыми и, наоборот, разруганными.

Но и мелкая жизнь кишела: все было подточено жучками, мелкими, черненькими, не молвящими по-нашему, а может, и вообще, — что бы они ни делали, их пальцы напоминали умную машину прежних времен — арифмометр. Этими существами уже тогда, давно, в первый приход были забиты многие места архитектурного феномена, в хорошем смысле — мавзолея. Мезозоя ли — палеозоя...

Ходячим черным арифмометрам вроде все равно: знать или не знать, быть или не быть, жить или не жить, ибо в их мозжечке и, так сказать, в нижнем уме (что у них одно и то же) почти срослись

(в силу невысоких, в общем-то, ха!, запросов) понятия места и времени, лица и фигуры, блондинки и брюнетки. Нет. Вот тут на испытательном стенде вспыхнул бы яркий огонь — огонь обличающий и всежогигающий. Ну что: да, уже норы прорыты и дыры проточены. Из красивой, высокой идеи, идущей еще от 1714 года, от Кунсткамеры Петра I, от академиков великих, от фантаста Ефремова...

А они — торговые тараканы, больших зданий тараны — ничего вокруг себя не видят, не слышат, носят ящички то с молдавской сливой, то с чьим-то таким же киви, и маленькими собственными ключиками открывают тайные дверцы подвалов и чуланчиков в цокольных этажах беззащитных зданий-великанов, прогрызают ходы лоточные личинки, полагая их своей «частной собственностью»...

Прошел час.

...Рука кудряво-седой женщины в синем халате притронулась к моему правому плечу, и мы вошли.

Мы вошли... Нас встретили всего два человека: старичок в валенках и вышеупомянутая тетушка в синем халате. Старичок был заметного роста. Он взял в гардеробе наши одежонки, и выяснилось, что никаких ковбоев не присутствовало, а наличествовали студенты. «Динозавры — это круто!» — подумала я, глупая. «Они любить умеют только мертвых...» — опять о студентах-естественниках, по всему видать, несколько влюбленных и в предмет, и в подруг. В общем, студенты и мамы с детками.

И вот мы в огромном вводном зале — маленькая горсточка людей примерно трех поколений. Ах, не о том я говорю, не на то назираю. Лучше не вспоминать о случившемся много позже. Нет. Лучше подольше задержаться на сем трепетном миге ввода нас, неофитов, в храм Тысяч Творений.

И так здесь все сошлось — неповторимые творения и неповторимая, по воздействию — неотвратимая архитектура и внутреннее оформление, атмосфера и немного ностальгии: припомнились прибалтийские средневековые замки, Домский собор в Риге с его тогдашним благородным, громозвучным органом... Подумалось о «паеомузыке»...

Мои размышления остановила тетушка в синем халате: она указала на огромный скелет мамонта в центре вводного зала и произнесла:

— Это второй найденный на Земле полный скелет, вошедший в историю под именем «мамонта Трофимова». Когда осмотрите

вводный зал, обратите внимание на «лестницу видов», потом мы вам откроем залы динозавров.

Мы осмотрели, обошли вводный зал и предстали перед «лестницей видов». В ярком, праздничном, великолепном освещении, отраженная снизу гигантским зеркалом, восходила ввысь и ниспадала в бесконечные, много раз повторенные бездны эта удивительная архитектурно-художественная метафора...

И все звери проходили перед нами. И приводили детей своих. И даже казалось, что слабенько похрюкивают молодые эндриусархи, в старом написании эндриусархусы... Пришли все, но этих, может, и не видела... Стегозавры привели малых стегозаврят... Бронтозавры привели малых бронтозаврят... Пара тиранозавров привела малых и уже злых тиранозаврят...

Все детки выглядели умильно.

Самой неубедительной парой казались люди — два голых человека на вершине «пирамиды видов». И вроде бы с ними был ребенок.

И если сильно склониться на ограждение, то увидишь бесконечное, но внизу, там, под ногами, — обратное повторение пройденного... Голова закружилась...

...Тут-то меня крепко схватила за плечо женщина в синем халате. Она сказала:

— Они ждут.

Когда мы спустились вниз, дед в валенках уже вовсю вертел большим ключом в замочной скважине, но никак не мог открыть дверь к динозаврам. Я глупо и нахально пошутила:

— Они заперлись с той стороны.

На что мне эта женщина сказала:

— Ох, если бы вы знали, насколько вы правы...

Эту дверь так и не смогли победить. Нам велели ждать, когда отворят, обойдя по своим переходам, с обратной стороны...

И вот мы вступили в коридор, весь оклеенный яркими глянцевыми афишами с изображением разнообразных динозавров, я бы сказала, «в выгодных позах». И сглупу, сдуру я сопровождавшей нас женщине и говорю:

— Это похоже на цирковые афиши. Будто динозавры, как слегка престарелые актеры, регулярно ездят на гастроли и имеют с этого «гешефт».

— Это правда, — ответила мне она. — Если бы не их «гастроли», то и этот дом оставался бы недостроенным «долгостроем».

Так и стоял бы сейчас... Да, их разбирают, собирают, возят по всему миру в «чемодане». Они ведь не жалуется...Сейчас они зарабатывают нам на обустройство окружающей местности, так сказать. Если бы вы только знали, какие огромные очереди выстраивают на них австралийцы! И, конечно же, японцы. Ведь все периодически видят «Парки юрского периода». Ну а японцы очень любят своих доморощенных «годзилл»...

Диномания диноманов.

— Но это-то все еще бы ничего...

— А что такое?

— В нашем доме творится что-то страшное, непонятное. Я даже боюсь думать об этом!..

А дальше — дальше нам пришлось разойтись... ибо всю ночь нас здесь держать никто не собирался. Дети, как пчелы, носилась от стенда к стенду. Студенты почтительно сникали над полюбившимися экспонатами. Да и я, на время забыв темный намек, отстраненно повисала над тридасной гигантской — раковиной древних морей, напоминающей окаменевший изгиб бедер, наблюдала ужасный череп переязавра из Северо-Двинской галереи, лично созерцала горгонопий. А также ужасалась и потрясалась треугольным крокодилообразным черепом лабиринтодонта.

Всего не расскажешь. Но темный намек слегка загородил от меня даже самый великолепный и впечатляющий экспонат, стоящий в зале мезозоя, — гигантский скелет диплодока.

И мы вернулись в свой спальный район. Улеглась и я, флегматично размышляя о том, что динозавры — это всего лишь отряд. 800 родов... 1700 видов... И мне привиделся тяжелый, в прямом и переносном смысле, сон...

Сначала явилось слово: «сейсмозавр».

«Что это, ах, что это?» — суматошно думало мое сонное «я». Маленькое сонное «я». И опять над маленьким «я» нависло злое слово «сейсмозавр — сейсмозавр-р!». Из последних сил вопрошало в никуда мое исчезающе-малое «я»:

— Что есть сей сейсмозавр?

— Сейсмозавр — сотрясатель земли.

А потом приснилась некая отрядная песня, спетая грубыми, очень грубыми голосами:

Наш отряд, наш отряд бодро марширует.
Будем мы, будем мы, когда вас не будет.
И когда исчезнет все,
Снова выйдет на крыльцо
Прототрицератопсиное яйцо!

И так повторялось на трех языках: русском, немецком, латинском.

...И вот осенью, когда волей-неволей надо оживать, «прибавляться» — от холодов спастись, меня принесло-привело опять сюда, где, кажется, кончается мир, раздробляясь на мирки чудесных, умопомрачительных творений...

Я купила билет и вошла, «смело и упруго», и сразу заметила, что здесь, в тихом омуте дремлющей природы, неотвратимо и необратимо, но «что-то не так»...

Мамонт Трофимова все так же украшал центр вводного зала. Все так же вздымалась ввысь высокохудожественная пирамида видов, на вершине которой зябли люди — «венцы творенья» — и ниспадали вниз головой — и все звери вслед за ними в зеркальный омут...

Но все это было мутно. Зеркальное подножье пирамиды видов давно не протирали. Или — скорее всего — желтый, муторно-экономный свет давил и гасил всю прелесть музея, его органичной архитектуры...

И опять я стояла и смотрела в эти зеркала, время от времени поднимая очи горе... Чья-то осторожная рука дотронулась до моего правого плеча... Я оглянулась и тут же узнала ту тетку в синем халате, что поведала мне о «гастролях динозавров». Узнав меня где-то через полгода, она очень даже бесцеремонно отводит меня в сторону и предлагает «убедиться самой». И меня, оторопевшую и заинтригованную, она проводит по параллельным по отношению к демонстрационным залам коридорам и ходам, тупичкам; показывает незаметные окошечки и, наконец, место, «где можно пересидеть» в зале мезозоя, — малюсенький треугольный закуток, где обыкновенно хранились причиндалы уборщиц, закуток с банкеточкой, обитой красным дерматином (или с «топчанчиком», как говорила тетка).

И странным театральным шепотом она добавила:
— Здесь будет основное «мероприятие».

На естественные вопросы — «что за дела?» и «почему именно я?» — она ответила:

— Мне в прошлый раз показалось, что вы смелая... А я старая, да и выгонят. А вам с собой больше никого нельзя взять: здесь места на одного-то человека мало. Заметят. Опасно. В этом... в этом закутке, если осмелитесь, станете свидетелем во времени... Чего? — Я конкретно не знаю, но ходят слухи, и немалые. Ходят слухи, но очень, очень тихо. Слухи ходят на цыпочках... Да, вот что: возьмите с собой бутерброды, перекусить. Сидеть придется всю ночь...

И я отчего-то отчетливо согласилась.

По нашему тайномуговору я должна была явиться после ухода последних посетителей.

Был благостно-тихий, прощально-приветливый, немного тревожный, как вальсы Чаплина, осенний всепонимающий вечер.

Я несла с собой авоську. Да, это слово уже придется взять в кавычки: недавно я попросила в киоске «авоську», но вполне русскоязычная по виду продавщица мне недовольно и после долгого, напряженного размышления вымолвила:

— «Авоська» — что это? Может, пакет?

Наверное, она сочла меня за сумасшедшую...

А я несла с собой авоську: в ней было довольно много легкого, как мне казалось, пива. И к нему, как водится, всенепременнейшие бутерброды на черном хлебе с бескостной распластанной селедочкой, чья сине-серебристая спинка прикрыта кольцевым тоненьким лучком, а сверху, уж совсем для полного отпада, присыпана укропным семенем.

Меня можно принять за истую гурманку, но просто очень не хочется переходить от приятного к очень неприятному. Да и опасно. К предстоящей тогда мне ночи.

Я ступила на зыбкую почву соблазна, любопытства и безответственности. А еще я думала: «Что плохого может приключиться со мной в этом славном замке, среди любимых окаменелостей?» — Я преувеличиваю, смеюсь, но смысл адекватен.

Или уже немного хватанула пива?..

И я подошла к дверям с головами птеранодонов...

...Она уже давно высматривала меня; посетителей почти не было, и ушли они, как нарочно, быстро.

Отсутствовал и дежуривший дед. Мы остались вдвоем.

Она нарушила молчание:

— У нас есть минут тридцать пять — пройдите по ходам, вы их не забыли? Ну, помогите вам Бог. — Она сжала и потрясла мое правое плечо... — Я ухожу.

Я. Осталась. Одна.

Во «Вводном зале». И единственным моим другом, знакомым, охранником, наконец, — высокий и безмолвный «мамонт Трофимова».

Мне хотелось громко выть: «Мама! Мама!».

А вокруг еле-еле горели слабые дежурные осветительные приборы. Как вялая, полуживая мумия, я продвигалась в сторону тайного хода. Меня очень скоро подстегнули — возгорелся яркий, всеобнажающий и торжественный — почти как в первый приход сюда — свет. Я мигом, как крыса, скрылась.

...Сначала я пробовала записывать все, что вижу; вот пример: «Вошли все они. Не особенно-то видно отсюда. Они входили постепенно. Люди, похожие на официантов. С одним я катастрофически встретила глазами. Заболело сердце. Он давно проследовал своим путем. Сердце все болит. Они несли покрытые ярко-металлическими колпаками блюда. Охранники шли параллельно им. Их вид не обещал даже случайного спасения при обнаружении». Ну хватит. Перетрухала старуха.

Из своей крысячьей конурки я догадалась, что будет праздник. Может, ошибка?..

И оказалось, что это не официанты шли в фартуках, а, как их называли, — «мастера». Неужели здесь по ночам делают ремонт?

... Гремело много пустой, торжественной, трудноопределимой по авторству музыки — так, больше барабаны да тимпаны. Вскоре торжественная, как я понимаю, часть окончилась. Мне пришлось передвинуться к другому залу, к другому оконцу. Мне ничего не было видно, но в этом зале, как я чувствую, произошло нечто страшное.

Я за ними не успевала. Очень многих из них покрывали балахоны, и, естественно, мне не известно, кто они: мужиками не хочется называть и женщинами тоже. Потом грянула такая музыка, что с первого удара бас-гитары я, уж не знаю, — исчезла. И услышала: «Жертва принесена». Звучало по-английски.

А в зале раннего палеозоя, беспозвоночных, животных и растений — гляжу: стоит подиум.

Проходят медленно модели. Объявляют: «Жозефина Кушак — это к новому тысячелетию дерзновенный шаг! И это новый шаг вперед!»

Да и я, крыска, чувствую, как постепенно становлюсь все образованней, все образованней... Итак, модельер Жозефина Кушак!

И, как в телевизоре, сквозь мизерное оконце передо мною проплывает примерно одно и то же: фасончик не снимешь — эклектика, дикарство, бесстыдство, пестрота, безвкусица, расточительность, именуемая «роскошью», издевательство над человеческой природой, полом — женским, мужским и средним, ведь у них есть и такой; особенно отвращала «объемная косметика» — накладные уши, остроугольные, как у неких подземных работников троллей, губы из всевозможных пластиков, окаймленные светящимися блестками, вставные глаза без ресниц с оранжево-серебряными веками. О, новый век! Счастье, что твой облик я воспринимала больше на слух, чем воочию...

...Осталось все это запить и замереть, затаиться наподобие галапагосской игуаны...

А в зале позднего мезозоя красиво расставлены фуршетные столы вокруг центральной экспозиции, где на постаментах демонстрируются скелеты хищных тероморфных рептилий-иностранных да скелеты и черепа растительноядных соседей их — парарептилий — парейазавров.

От этого не легче. Я, уже давно мечтающая об утре, пробираюсь параллельным узким ходом, боясь обнаружения кем бы то ни было. И замерла у потайного оконца.

Моему взгляду предстало зрелище эпохи поздней перестройки — грубое гульбище урвавших кусок. Вероятно, ему подивились бы и Рим времен упадка, и Валтасар, оскверняющий храмовые сосуды в нечестивом пиру своем, и культуртрегер Медичи...

Не знаю. Мне пришлось присесть на узкую ковролиновую дорожку и слегка перекусить своими вышеозначенными селедковыми бутербродами, щедро запиваемыми пивом.

Почувствовав себя во всеоружии, я приблизилась к тайному оконцу... Но увидела только зеленоватую, смутно блестящую чешую... В первую секунду мне стало совсем уж нехорошо: мне почудилась шкура древнего ожившего зверя — одного из здешних скорбных обитателей; но шкура дернулась, завиляла и, отойдя от оконца,

оказалась талией, всего лишь верткой, тонкой, змеевидной талией некоей дамы, званной на сей фуршет и отошедшей от стены к столу.

Я была не настолько наивна или, допустим, пьяна, чтобы не отдавать себе отчета в том, что праздник сей идет и идет по нарастающей. В меня закрались небезосновательные опасения, что целиком сие представление мне посмотреть не удастся, тем более что до апофеоза еще, судя по всему происходящему, далеко...

Главное — не попасться. А ведь пару раз, заслышав модную танцевальную песенку в духе «нео-латино», кажется, оба раза Дженнифер Лопес, я чуть-чуть не выскочила из своих крысячьих ходов в самую толщу этого темного трапезования. Хороша бы я была! Мягко говоря — лишняя.

Ох, добраться бы до дому и наплясаться, да хоть под «Иванов-интернейшнелов»! Хоть и не так лихо, лишь бы живой.

И опять, и опять мелькали пред моими опустошенными глазами чьи-то верткие талии, все в чешуе, чьи-то осмокингованные плечи, где, наверное, все-таки так удобно дамской лапке с бриллиантиком... антиком... антиком...

...Кажется, я уснула, как говорят все кому не лень, — «от стресса». Вот вас бы туда засунуть!

Во сне ли, или как, но я очутилась в последней комнатке — треугольном закуточке в зале мезозоя, то ли с кушеточкой, то ли с «топчанчиком», как говорила мне тетка, пославшая меня сюда. Сквозь потайное окно я увидела одного из типичнейших завропов — гигантский скелет диплодока.

...Как в последнее время украшают деревья мерцающими цепочками каких-то микролампочек или светоносителей типа лаунлайт, так гигант, стоящий посреди самого огромного в этом музее зала, украшенного впечатляющей фреской во всю правую стену с изображением здоровенного болотища, где мирно пасутся динозавры, так его костяная, остроугольно-неудобная спина диплодока вся-превся была изукрашена подобными сему лампоидами — о, бедное животное! А на его спине, там, высоко, на самом хребте, расцвеченном для всеобщего отдохновения или для их логова бульдогова, восседала — че тянуть кто? — всего лишь голая баба. О, данке шон — вавилонская блудница на звере...

Вот тут-то меня окончательно и сморило. Больше не помню ничего, кроме коротенького сна про какие-то тупоносые светло-зеленые туфельки на высоких толстых каблуках. На вес они щуцались тяжеловатыми; подобно тем, которые в свое время Чехословакия поставляла в наши края. И, наверное, подобно тем башмачкам, кожаным и стильно-грубоватым, с прошвами и широким рантом, в них можно было шевелить пальцами. Да, и это своего рода свобода. А фактура их поверхности во сне была такая на ощупь мшисто-прохладная, замшево-шершавая; и по цвету — еще приятнее, чем натуральный коротковорсистый мох, нежно-зеленый с легкой желтизной...

И тут чья-то рука с маху пронзает мой сон, схватив меня за правое плечо, — и я оказываюсь на маленькой банкеточке в треугольном закутке. Меня будят пришедшие на работу уборщицы и вопрошают:

— Ну, говори: видела?

— Да. Видела. Но немного не до конца.

Снова на воздух. Я ухожу из оскверненного замка тысяч творений. Слуги все убрали, пока я пребывала во сне. А когда мы шли к выходу, я заметила только малость, так — ерунду: след поцелуя на мужественной костяной щеке парейзавра — фосфоресцирующе-яркая помада, дикая, наглая; да кое-где по залам на полу как бы блестящие конфетти, больше похожие на змеиную чешую.

Кафе

Кафе располагалось на одной из тех улиц, которые тогдашние современники имели склонность именовать «престижными». Это слово и его производные носились, как свистящий медицинский сквозняк, из салона в салон, из массажкабинета в массмедийные хитросплетения, а уж из всепожирающего и всепереваривающего электронного чрева так и перло, и возбужало, и дыбилось, и попадало, наконец, на зыбкую, но плодороднейшую почву — в умы простых сограждан. И уже в самом углу можно было частенько наблюдать поучения весьма странного свойства: в носу ковырять непристойно (престижно), такую-то одежду покупать непристойно (престижно), любовника иметь престижно (если богатый) —

(непрестижно, если вообще), но в мнениях о последнем так и не сошлись. И, думается, никогда не сойдутся. И пошло: престижно-непрестижный роман, престижно-непрестижная дружба, престижно-непрестижная семья, престижно-непрестижная работа, престижно-непрестижная машина, престижно-непрестижный печатный орган, престижно-непрестижное незнамо что... Непостижимо.

Ну так вот — приникните к истоку речи; как говаривали древние халдеи: «о чем бишь я?...». И поймите, прикиньте, смекните: через некоторое время в том же небогатом царстве, демократическом государстве слово «престижно», по данным наших лингвистов, сменилось кратким, репчатым словом «круто». Мы доподлинно не знаем до сих пор, хоть в это и трудно поверить, но исток, источивший из себя это слово, возможный исток распространения — это не довольно крепкая в то время водка «Исток», а некий человек-песня. Но достоверности нет в достаточной мере.

Исторически известно, что о себе он так не говорил.

О, со словом «круто» связано необычайно много спорных моментов. Одно вне всякого сомнения: его утверждали повсеместно и «низы», и «верхи».

Если раньше говорили «крутой нрав», то потом — «крутая машина», «крутая работа» и так далее по списку. Еще же говорили: «брюки — это чомбе», другие: «джинсы — это помойка», третьи «шампань — кайфушка», иные же и вовсе твердили о каких-то «зигитрах». Но, как нам отсюда показалось, — а выборочная лингвистика уже поднадоела, ох, тяжелое это искусство, — то пора вернуться к теме кафе с названием «Трисмегист».

Это слово означает «Триждывеличайший», а в некоторых местах — «Триждывенчаный».

Об этом известно, пожалуй, и меньше, чем о так называемых «байкерах». Байка — такая мягкая ткань для младенцев. Какое это имеет отношение к ночным мотоциклистам? Будем продолжать исследования. Есть и еще вариант: «байка» — это актерское вранье, которое они любили повторять, переходя с площадки на площадку («с хазы на хазу»). Но этот случай уж совсем не для мотоциклов...

От Гермеса Трисмегиста пошли «герметические», то есть запретные для профанов знания. Следовательно, наше кафе имеет довольно гордое, если не сказать больше, название. По-своему оно было и герметично: далеко не каждый прохожий мог сюда войти и выпить пресловутого кофе, а только лишь член этой ту-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru